

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

— Я все еще категорически против того, чтобы ты брался за эту работу!

Каспар слышал грозные крики жены ежедневно с тех пор, как получил предложение стать телохранителем маленького принца. Официальное трудоустройство, ежемесячное жалование, карьерный рост и, что самое главное для новоиспеченного семьянина, покой и прощение старых грешков. Хотя ни разу за все годы преступлений полиция не смогла заковать Каспара в наручники больше чем на пару часов, репутация его была подпорчена частыми подозрениями. Все они были обоснованы. Но никто ничего не мог доказать.

Нашли изувеченный, прикованный к стене наручниками труп с одной-единственной пулей во лбу, ставшей причиной гибели жадного бизнесмена и торговца наркотиками. Стиль, судя по слухам, принадлежал Каспару Шульцу, полиция была в этом убеждена, но ни единого доказательства не имелось, да и алиби у подозреваемого железное.

Ограбили новое казино, построенное на месте больницы. Владелец клялся, что разговор, полный угроз, с ним завел сам Каспар Шульц, но доказательств этому не имелось, а подозреваемый вновь оказался с подтвержденным алиби.

И из последнего: Грета, бывало, попадала под прицел полиции. Взятки работали в ее пользу безотказно, однако, когда от ее некачественной выпивки умирали целые компании жажущих веселья людей, полиция брала за свою слепоту вдвое, а то и втрое больше обычного. Несмотря на то что при каждой встрече полицейские старательно вели себя так, словно власть все еще при них, каждый чувствовал себя дешевой марионеткой в руках Греты и соучастником ее преступления.

Годы шли, и дух преступности в Каспаре иссяк. Теперь он с омерзением смотрел в свое прошлое, и то лишь для того, чтобы напомнить себе, скольких сил и денег стоило выпутаться из него.

Единственное, чем Каспар гордился к моменту осознания неправильности своей жизни, это тот факт, что он, в отличие от своих «коллег», собственными руками не погубил и не навредил ни одному ни в чем не повинному человеку.

Купив красивый дом из черного кирпича, он словно провел черту, разделив свою жизнь на до и после. Выбор дизайна, мебели, посуды и других вещей, оформление лужайки, уроки кулинарии и тихие вечера без звонков о новых «делах» — все это позволило ему почувствовать себя нормальным. Ощутить наивное счастье от простых человеческих забот. Со временем даже мысль о том, что каждый кусочек его нового, непорочного, выстроенного собственными руками мира существует лишь благодаря грязным деньгам, которые неразрывно связывали его с прошлым, выветрилась из головы Каспара.

Во многих людях есть неумная жажда подчинения, рожденная зачастую из страхов и несостоятельности. Однако в случае с Каспаром все было иначе: вольная жизнь ему наскучила. Став телохранителем нагловатой Греты,

занимавшейся сбытом контрафактной продукции, он доказал себе, что способен на подчинение, следование расписанию и лесть.

Однако теперь начальница стала женой. Порой ему казалось, что она больше подруга, согласившаяся делить с ним тяготы жизни в бесплотной надежде стать как все.

Из спальни послышался детский плач. Каспар уже собирался сорваться из коридора туда, когда услышал шаги Греты.

— Собирайся. Вдруг опоздаешь, — с упреком бросила она.

Каспар вздохнул, закончил завязывать галстук, поправил ворот серой рубашки и потянулся к пиджаку. В коридор с трехмесячной малышкой на руках вышла Грета. Порой Шульцу не верилось, что такая хрупкая девушка, как его узкоплечая жена, с выпирающими костями, тонкой шеей и мальчишескими бедрами, могла произвести на свет Ульрике — девочку плотную, весом почти пять килограмм. Забавное выражение лица щекастой малышки вызвало у ее матери нежную улыбку, и на секунду Каспар поверил, что они — полноценная счастливая английская семья. Но вот он надел пиджак, и Грета вновь нахмурилась.

— Говорю тебе, странно все это.

— То, что они решили нанять мужчину?

— И не только. Не обижайся, но нужно быть идиоткой, чтобы выбрать для своего сына телохранителя с сомнительной биографией вроде твоей.

Каспар усмехнулся.

— Спасибо за поддержку.

— Но больше всего меня поражает то, что *тебе* это не кажется подозрительным.

— Грета...

— Я знаю. Ты хочешь начать новую жизнь, бла-бла-бла, но...

— Это мой шанс.

— С чего бы им нанимать мужчину, еще и кого-то вроде тебя?

— Я встал на путь исправления и многого добился.

— Боюсь, что работа на человека, производящего и распространяющего сигареты и выпивку, от которых иногда умирают люди, не самое завидное достижение в карьере.

— Но ведь открыто ты всем этим не занимаешься, — подловил ее Каспар. — А они изучали официальные данные и вряд ли лично беседовали с полицейскими, которых ты ежемесячно снабжаешь наличными ради их молчания.

Грета смотрела на него с неприкрытым раздражением.

— Будь по-твоему. Но я чувствую, что до добра это не доведет.

Напоследок Каспар улыбнулся Ульрике и поцеловал ее в лоб, вдыхая сладкий детский запах.

— Насколько я помню, в нашей жизни и без того было мало добра. Я привык.

* * *

Его встретили в парадном вестибюле. Скрывая легкое восхищение внутренними убранствами, он улыбнулся Марго — телохранительнице королевы, пожал ей руку и кивнул невзрачному главному дворецкому. Выражение лица Марго, женщины на вид тридцати лет в классическом костюме цвета бычьей крови — одного из любимых цветов Каспара — было сдержанно холодным, однако в ее голубых глазах скрывалось непонятное беспокойство.

— Ее Величество сейчас занята, — произнесла она по дороге к парадной лестнице. — Предлагаем вам подождать в китайской столовой. Я сообщу, когда она будет готова принять вас в своем кабинете.

— Благодарю.

— Простите за столь холодный прием, но, к сожалению, мне придется отлучиться. — Каспар поймал в ее тоне едва заметную нотку волнения. — Дворецкий предложит вам напитки.

— Понимаю, работа, — сочувственно подытожил Шульц.

Марго промолчала.

Его завели в комнату, мало чем похожую на привычную Каспару столовую. Его окружили творения китайской живописи, развешанные над стоящими вдоль стен столиками с позолоченными ножками в виде драконов, украшения и свечи в золотых канделябрах, электрические светильники и старинные часы. Каспар остановился напротив большого зеркала в орнаментальной раме над камином.

— Чаю, мистер Шульц? — спросил дворецкий.

— Спасибо, я плотно позавтракал.

Пожилой мужчина кивнул и вышел за двери, оставив Каспара наедине с убранствами общей стоимостью в миллионы фунтов. Он сел за круглый стол с красной бархатной скатертью и написал жене, что прибыл на место. Сообщение отметились прочитанным, но ответа не последовало. Каспар все больше чувствовал неизбежный конец их отношений после каждого натянутого разговора. От расставания его останавливали надежда на лучшее, безудержное желание быть счастливым семьянином, уверенность, что отношений крепче ему не построить, и самообман, основанный на убеждении, что уважения и понимания, на которых изредка появлялись трещины, достаточно для счастливой семьи.

Часы пробили одиннадцать. Прошло тридцать минут. Не в правилах Каспара было торопить кого бы то ни было,

но, желая услышать хотя бы примерное время ожидания, он вышел из столовой в поисках дворецкого.

Коридор был пуст, как вдруг в дальнем его конце Каспар заметил невысокую фигурку в голубом. Осторожно, не выдавая своей заинтересованности, он медленным шагом направился к ней, и чем ближе становился, тем отчетливее слышал неразборчивую ругань. В душе его поселились подозрения, и они лишь усилились, когда Каспар вплотную приблизился к босому мальчику в футболке словно с чужого плеча и шортах, стоявшему к нему спиной. Мальчик прижался плечом к стенке, за которой слышался разъяренный мужской голос:

— Не доводи до греха, мразь! Ты думаешь, я этого не сделаю?!

Мальчик дрогнул, отпрянул от стены и краем глаза заметил Каспара. От испуга он, придерживая правой рукой живот, шагнул назад.

— Кто вы? — спросил он тихо.

Каспар не сразу нашел что ответить. Мальчику на вид было не больше восьми лет. С сиреневыми глазами, почти седыми волосами и белой как бумага кожей. Осознав, кто перед ним, Шульц не смог удержаться от теплой улыбки.

— Меня зовут Каспар, Ваше Высочество. Я пришел на собеседование.

— Я Александр.

— Приятно познакомиться. — Они пожали друг другу руки, и взгляд Каспара плавно перешел на живот принца, придерживаемый рукой. — С вами все в порядке?

Александр опешил, явно не зная, солгать или сказать правду. Он убрал руку и выпрямился, всем своим видом пытаясь доказать, что в полном порядке.

— Да.

Из комнаты рядом послышалось:

— Делинда, значит, по-твоему, как третье колесо в двухколесном велосипеде? — Мужчина продолжал кричать: — Да она единственная надежда Каннингемов! А ты только этому малолетнему недоноску уделяешь время! Не то мальчик, не то девочка.

— Как ты можешь так говорить о своем сыне? — парировала женщина.

— А мой ли это сын вообще?

— Конечно твой!

— А я не верю! Не мог у меня родиться такой уродец!

Александр раскраснелся от стыда. Каспар нахмурился и двинулся к двери.

— Не надо, — только и прошептал маленький принц, но Шульц уже стучал в позолоченные створки.

Зная много о таких скандалах, он был уверен, что откроет жертва. Так оно и произошло. Королева приоткрыла дверь так, что Каспар смог увидеть лишь ее наспех вытертое после слез красное лицо. Глаза ее округлились. Брок улыbnулась ему и сказала как можно более приветливо:

— Здравствуйте!

— Вам нужна помощь? — спросил он так, что услышать его могла только она.

— Я скоро подойду. Прошу прощения за задержку, — продолжала женщина с улыбкой, едва сдерживая слезы, как вдруг ее взгляд упал на Александра, и она спросила испуганно: — Что ты здесь делаешь? Тебе же пока нельзя... — Королева замолчала, вновь натянула улыбку и обратилась к Каспару: — Не могли бы вы, пожалуйста, отвести его в покой? Я скоро подойду.

— Ваше Величество...

— Все нормально.

Дверь резко захлопнулась прямо перед носом Каспара, но он запомнил мгновение, когда улыбка на лице

королевы уступила выражению обиды, стыда и обреченности. Он понимал, что не имеет права вмешиваться в жизни королевских особ, что к психически больным людям нужен деликатный подход, ведь жесткие меры могут лишь озлобить их и сподвигнуть на непоправимые поступки. По опыту Каспар знал: все, что нужно делать королеве, это молчать и ждать, когда волны гнева отступят. Это была жертва со стороны Броук, но иначе она поступить не могла. Заметить король Каспара, незнакомо-го свидетеля, или Александра — и стыд за собственное поведение резко перешел бы в новую волну ярости. Стало бы лишь вопросом времени, когда та накрыла бы его маленькую семью.

«Психопат, — пришел к выводу Каспар. — И где же Марго в такую трудную для королевы минуту?»

Он взглянул на Александра, смотревшего в пол с пустым и в то же время растерянным выражением лица.

— Идемте, — ласково произнес Каспар. — Где ваши покои?

Помолчав, принц поднял на него румяное от смущения лицо.

— На третьем этаже.

В комнатах принца было мрачно: задвинутые шторы не пропускали ни единого лучика утреннего солнца, светильники были выключены, а в отдраенном начисто камине давно не разжигали огонь. Все так же придерживая живот, Александр лег в кровать с балдахином, стоявшую справа от входа в спальню.

— Может, вызвать кого-нибудь?

«У вас здесь довольно тихо. Я бы даже сказал, подозрительно тихо», — едва удержался от замечания Каспар.

— Все в порядке, — тихо ответил Александр и повернулся к нему спиной. — Я хочу побыть один.

— В такой ситуации вам точно не стоит... — Каспар умолк.

— В какой? — чуть оживленнее поинтересовался принц.

— Когда... Когда вам грустно. Порой оставаться наедине со своими мыслями полезно, но вы еще совсем ребенок, и... с вами должен быть хоть кто-то.

Александр повернулся к нему лицом и хлопнул по кровати, предлагая сесть рядом. Немного помедлив, Каспар принял его предложение.

— А у вас есть ребенок, мистер Шульц?

— Да. Дочка, Ульрике.

— Вы похожи на того, у кого мог бы быть ребенок.

Каспар по-доброму усмехнулся.

— Как вы это определили?

— Не считая кольца? Не знаю. Но это чувствуется.

Внезапно на его лице появилась гримаса боли.

— Что с вами? — Каспар вскочил с кровати и потянулся за телефоном в карман.

— Живот... — только и смог ответить принц.

Каспар дозвонился до Марго.

— Да, мистер Шульц?

— Его Высочеству плохо.

— Я сейчас же приду вместе с медиком. Проверьте, не разошлись ли швы на животе.

Каспар собирался поднять одеяло, в которое завернулся принц, но тот вцепился в него свободной рукой.

— Скажите ей, что я ее подожду! — почти взмолился он.

Услышав его слова, Марго оборвала звонок. Каспар беспомощно стоял рядом в мучительном ожидании помощи.

«Она сказала, швы. Получается, после операции. А какую операцию могут сделать мальчику восьми лет? Не то мальчик, не то девочка... — Каспар хотел хлопнуть себя рукой по лбу. — Он нимфае. И как я сам не понял?»

Увидев осознание в его глазах, заметив, как изменился его взгляд, Александр спрятался под одеялом. «Он стыдится своей сущности, — с жалостью пришел Шульц к выводу, — и не хочет, чтобы кто-то из посторонних узнал о ней».

Медик и Марго, прибыв на место, попросили гостя выйти в коридор. Дворецкий провел его в аудиенц-зал, куда спустя десять минут как ни в чем не бывало спустилась королева. На ней были белая рубашка под красным пиджаком, классическая красная юбка и лакированные лодочки. Светлые волосы были зачесаны в сторону и лежали на правом плече.

— Доброе утро. — Женщина улыбалась искренне, но не задерживала на нем взгляд. — Прошу, извините за сегодняшнее представление. Мне очень жаль, что вы стали свидетелем этого недоразумения. — Она села в кресло напротив и сложила руки в замок.

— Вы в порядке? — с сочувствием поинтересовался Каспар.

Брук сглотнула и улыбнулась во все зубы.

— Да, разумеется. — Она хотела сказать что-то еще, но, глядя на сострадательное выражение лица мужчины, не смогла придумать убедительной лжи или способа плавно перейти к другой теме. Улыбка медленно сошла с ее лица, и теперь лишь уголки широкого рта были приподняты как бы по привычке. — Спасибо, что постучали, мистер Шульц. Мне правда жаль, что вы все это слышали. Это...

«Позор», — боялась она признаться самой себе.

— Простите, что интересуюсь этим, но почему Марго не была хотя бы рядом с вашим кабинетом?

— Мы условились, что во время таких... стычек никого не должно быть на этаже, — вздохнула Брук и печально улыбнулась. — Но Александра это не остановило.

— Он славный мальчик.

— Да. Вы оказались в нужном месте в нужное время. — Она кивнула Каспару, выражая признательность. — Дважды. Спасибо.

— Вам не за что меня благодарить.

Королева опустила плечи и взглянула на него украдкой, пребывая в размышлениях. Она не была похожа на ту женщину на трибуне — уверенную и лучащуюся энергией, заряжающей людей вокруг. Броук походила на сжавшееся невинное существо, в котором подавили силу воли. Ее большие миндалевидные глаза выражали намного больше страдания, чем она могла бы передать словами.

— Я пойму, если после такого вы не захотите принять наше предложение.

Каспар недолго помолчал и спросил:

— Почему вы решили предложить такую работу именно мне — мужчине? Да и не будем скрывать...

— Да, ваше прошлое настораживает, но вы давно встали на правильный путь. Вы образец настоящего молодого мужчины, и я хочу, чтобы вы стали примером для моего сына. Как вы могли догадаться, он нимфае, только что прошедший стерилизацию. Ему предстоит курс гормональной терапии...

— Но ведь он и без этого полноценный мальчик.

— На этом настоял муж. Он убежден, что нимфае — это девушки в мужском обличье, хоть это и не так. Может, терапия и к лучшему, но все же нашему сыну нужен пример для подражания. Тот, кто научит его настоящему мужскому поведению. Конечно, многие меня осудили бы за такие слова, но в любом случае муж отказывается выбирать ему телохранительницу, и я, признаться, согласна с ним. Нам нужен именно мужчина. И именно тот, кто повидал жизнь и способен оказать на нашего сына правильное влияние.

Каспар не ожидал услышать такую причину. Что-то подсказывало ему: выбор у родителей принца был невелик.

— Александр хотел бы, чтобы я стал его телохранителем?

— Время покажет, но, думаю, все будет хорошо. — Королева встала, и Каспар поднялся вслед за ней. — Однако если ваш ответ «нет», то я его приму. Об одном только прошу: пусть то, что вы видели и слышали, останется в этих стенах.

— Разумеется.

* * *

«Неблагополучная семья, — пришел Каспар к выводу сразу, как только вышел за порог дворца. — Муж — психопат, жена — жертва его нападков, а младший ребенок, по мнению отца, позор семейства с несвойственными для его возраста тревогами и задатками неуверенного в себе человека».

Он вернулся домой к обеду. Тихо. Какое счастье, что новый разговор с Гретой откладывается. Все чаще Каспар замечал, что не желает с ней говорить: после рождения Ульрике жена часто бывала недовольна им из-за любой мелочи, словно искала повод для расставания. Из уважения друг к другу они никогда не доводили стычки до скандалов, но порой Каспару казалось, что он, выполнив функцию отца, больше не был нужен Грете.

Он зашел в кухню и выпил стакан лимонада, когда услышал приближающиеся шаркающие шаги.

— Ну что? — спросила Грета, упершись плечом в дверной косяк. — Как прошло? Отказал?

— Прошло не так приятно, как я бы хотел.

— А чего ты от них ожидал? Все эти выступления лишь показуха, а на деле они высокомерные эгоисты, смотрящие

на людей как на грязь на их неадекватно дорогих одеждах. Они сами дали тебе от ворот поворот или ты?..

— Я выхожу в понедельник.

Грета умолкла. Каспар не мог разобраться, что было начертано на ее худом лице. Злость? Отвращение? Разочарование?

Мысленно Шульц перебирал десятки вопросов, которые вот-вот могли сорваться с языка жены, и тут же придумывал на них ответы. А она все молчала. Затем, не переставая сверлить его взглядом, Грета оттолкнулась от дверного косяка и ушла в спальню. За годы знакомства Каспар уже успел понять: молчание Греты — наивысшая степень ее недовольства.

Ночь он провел в соседней комнате в размышлениях о прошедшем дне. Жизнь Александра нельзя было назвать отражением его собственного незавидного детства, но, увидев, как мальчик сжимается после каждого крика отца, Каспар с подступающим смятением вдруг осознал, что когда-то и сам выглядел так. Перепуганным беспомощным зверьком с неотступным желанием вмешаться в стычки родителей. Но если *его* мать могла собрать вещи и уйти, а он сам — сбежать и начать новую жизнь, то для Александра все было куда сложнее.

Корона — как знак богатства и почета, так и ловушка для ее носителей.